

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СВОИ И ЧУЖИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Отдельные группы людей
должны чем-то пожертвовать,
чтобы всем остальным стало
лучше.

Милтон Фридман

Независимость так независимость, решили руководители центральноазиатских государств и стали формировать государственность со всеми ее атрибутами. К настоящему времени все страны региона — члены ООН, СНГ, ШОС и многих других международных организаций, в том числе и региональных объединений. Практически в каждой из республик государственные органы заняты формированием национального патриотизма. Одновременно, хотя и в разной степени, сохранилась значительная инерция сознания. Люди по привычке называют «нашими» всех спортсменов из государств СНГ, особенно если реальные «свои» в соревнованиях не участвуют. «Нашими» за границей государств СНГ считаются все выходцы из бывшего Союза. При обсуждении международных событий большинство жителей азиатских республик на стороне России. «Наши» туристы с их специфическим поведением стали головной болью для курортных стран и героями скандальных историй и анекдотов. Лидеры Центральной Азии были солидарны с руководством России во время войн западной коалиции против Саддама Хусейна и выражали недовольство американцами. Хотя все они знали, что иракский диктатор сукин сын, но это был «наш сукин сын», союзник еще с советских времен. Операции западного блока против террористов в Афганистане также вызвали недовольство. Хотя СССР и воевал против тех же афганских моджахедов, но вторжение западных военных было демонстрацией силы в «нашем» регионе. Российская пропагандистская машина осуществляет новый вираж, и афганские боевики вдруг стали почти что «нашими», воюющими против американцев. Таким образом, все, кто против США, автоматически становились «нашими».

Таких чудес достаточно много. Но оставим эмоции в стороне и посмотрим на реальность. Должны ли США осуществлять активное проникновение в Центральную Азию? Или американцы по-прежнему должны оставаться внерегиональной силой? Какова роль США в Центральной Азии? И нужны ли они здесь вообще? Остается ли Центральная Азия зоной национальных интересов России? Является ли переориентация внешнеполитического курса стран региона на другие государства, например США

и Китай, предательством по отношению к России? Или это объективный процесс поиска и реализации собственных интересов центральноазиатских стран? Должны ли государства Центральной Азии неизменно поддерживать действия России? Можно ли расценивать давление России по различным вопросам как продолжение политики СССР и Российской империи?

Много вопросов, которые требуют своих ответов. Но большинство из них отпадают, когда сравнивается реальная политика США и России в Центральной Азии. А делается это часто и необъективно. В свою очередь, сама постановка вопроса о том, кого выберет Центральная Азия — Россию или Америку, — является отражением политических пристрастий и конъюнктуры. Ведь выбор внешнеполитической ориентации определяется не референдумом или постановлением правящей элиты. Он зависит от многочисленных факторов, их суммы, взаимодействия и противодействия, изменения ситуации и перемены в соотношении сил. Аргументы о том, что 100–200 или более того лет назад народы сделали свой выбор в пользу России, ничего не весят на весах политики. Можно вспомнить заклинания партийных руководителей периода Перестройки, считавших неотразимым аргументом то, что «наши деды сделали свой выбор в Октябре 1917 года в пользу социализма, и мы сохраним верность этому выбору». Но каждое поколение все-таки имеет право на собственный выбор. Например, лозунг Фиделя Кастро «Социализм или смерть», магически действовавший на несколько поколений кубинцев, утратил свою притягательную силу. Теперь они выбирают жизнь без социализма. Во всяком случае, такие намеки можно найти в политике Рауля Кастро, сменившего на боевом посту своего старшего брата.

В XIX веке в феодальных государствах Центральной Азии были элиты или части элит, которые способствовали продвижению России на Восток и включению своих народов и государств в состав империи. Но таковые находились у любых колонизируемых народов и во все времена. Успех испанских конкистадоров в Америке объясняется не только превосходством их оружия, но и тем, что они смогли консолидировать вождей, недовольных

существующим положением в империях ацтеков и майя. Эти государства были разрушены собственными подданными, которые поддержали испанцев, составлявших ничтожное меньшинство.

Для некоторых представителей правящих классов Центральной Азии это был добровольный выбор. Но, строго говоря, у них не было альтернативы. Россия упорно шла на Восток. Она сокрушила Казанское и Астраханское ханства, покорила Крым. Движение подхватили дружины вольных казаков и «служилых людей», которые присоединили Сибирь и Дальний Восток. Инициативное завоевание восточных государств и территорий продолжили в XVIII–XIX веках местные губернаторы и военные начальники. Когда российские войска захватили Ташкент, один из российских министров писал: «Генерал Черняев взял Ташкент. Зачем и почему, никто не знает».

Другая часть политической элиты Центральной Азии до конца боролась за независимость. Можно перечислить огромное количество антирусских и антиколониальных восстаний, прокатившихся по Центральной Азии, от частных до самого мощного, разразившегося в 1916 году. После падения самодержавия народы региона пытались создать независимые государства или автономии в составе демократической России — казахскую автономию «Алаш-Орда», кокандскую автономию, и даже казаки объявляли себя автономными образованиями. Коллективизация вызвала несколько сот крестьянских восстаний только в Казахстане. До середины 30-х годов XX века советской власти сопротивлялись басмачи.

Нельзя забывать, что вплоть до XX века центральноазиатский регион был объектом «Большой игры» Британской империи и России. Считалось, что если Центральную Азию не «возьмет» Россия, то там непременно окажутся англичане. Сто пятьдесят лет назад тогда еще среднеазиатские феодальные государства были объектом игры. Они не были ни английскими, ни русскими. В начале 1858 года полковник Н. П. Игнатьев, направлявшийся с посольством в Хиву и Бухару, получил инструкцию Министерства иностранных дел. В ней особый пункт ставил задачу: «уничтожение вредного вмешательства англичан, которые стараются проникнуть в Среднюю Азию и привлечь ее на свою сторону».

Н. Игнатьеву предлагалось «внушить» правителям Бухары и Хивы «справедливые опасения насчет образа правления Англии в Азии», растолковать «как мало следует иметь доверия к словам и обещаниям державы, которая под всеми предлогами ищет случая проникать в страны для того только, чтобы обращать их в колонии и извлекать из них одну пользу для себя»; примером здесь служила Индия, «системой Англии доведенная до самого жалкого существования».¹ Аналогичные миссии выполняли многочисленные английские агенты.

Но британцы не смогли продвинуться в Афганистан, а Россия остановилась на Памире. Аргумент «если не мы, то другие» сыграл свою роль во время обсуждения вопроса о вторжении СССР в Афганистан. Политбюро ЦК КПСС руководствовалось тем, что если не ввести советские войска, то в Афганистане непременно окажутся американцы. И они там оказались, правда, через двадцать лет после вывода советских войск.

Оценка политического влияния СССР и Великобритании на ситуацию в регионе основывалась на идеологии. Тем не менее можно говорить о том, что политика была все-таки принципиально схожей — колониальной экспансией в традициях растущего империализма. Советские историки доказывали, что российский колониализм все-таки лучше, чем британский. Ведь захват Россией Центральной Азии в конечном счете привел населяющие ее народы к победе социалистической революции, образованию социалистической государственности в составе равноправного Союза ССР, к социализму, минуя капитализм. В то время как британские колонии продолжали оставаться эксплуатируемыми окраинами, сырьевыми придатками метрополии. Даже после распада Британской колониальной империи и образования независимых государств эти аргументы оставались в силе. Советские востоковеды и африканисты продолжали доказывать, что колониальное прошлое не позволяло освободившимся странам получить реальную политическую и экономическую независимость.

---

¹ Национально-демократическая революция: сущность и перспективы. — М.: Наука, 1990. С. 370–371.

Провалы экономической политики стран социалистической ориентации и существующие в этих странах диктаторские режимы объяснялись колониальным прошлым.

В советское время идея интернационализма и дружбы народов, формирования «новой исторической общности — советского народа» была мощным фундаментом для ориентирования исторических исследований на добровольность вхождения государств, народов и территорий в состав Российской империи. Например, принятие ханом казахского Младшего жуза Абулхаиром в 1731 году российского подданства стало основанием для широко-масштабного празднования 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России в 1981 году, хотя сам Абулхаир совершал затем набеги на русские населенные пункты и крепости, а присоединение всей территории Казахстана произошло через 150 лет. В угоду политической конъюнктуре аналогичные искажения истории осуществлялись во всех советских республиках. Поэтому неизбежный рост национального самосознания народов, прежде всего вне рамок советской идеологии, беспощадно подавлялся.

После недолгого времени осуждения колониальной политики России сталинизм предпочел восстановить имперскую идеологию в социалистической оболочке. В годы Второй мировой войны были даже попытки опереться на национальные чувства и историческое прошлое тюркских народов. Но уже в конце войны они были практически сразу свернуты. В постановлениях ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (1944) и «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» (1945), продублированных во всех центральноазиатских союзных республиках, указывалось на необходимость «устранить серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татари (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идееге)».¹

---

¹ Пропаганда и агитация в решениях и документах ЦК ВКП(б). — М.: ОГИЗ, 1947.

Постановления 1944–1945 годов стали основой для идеологических погромов и новой волны репрессий в национальных республиках после Второй мировой войны. Они не были отменены ни в годы хрущевской оттепели, ни в годы развитого социализма, ни в годы Перестройки. Виток репрессий в отношении деятелей национальной культуры в послевоенные годы покончил с попытками рассмотреть историю народов вне контекста российской истории, как самостоятельное явление.

В течение последних 20 лет мы наблюдаем новый этап борьбы за Центральную Азию. В ней участвуют новые силы — Россия как наследница СССР, США как лидер западного мира и гигантский Китай.

Политика США в Центральной Азии стала вычленяться из общего внешнеполитического курса на постсоветском пространстве не сразу. В конце 80-х — начале 90-х годов XX века приоритетным для западного мира был все-таки восточноевропейский вектор. Сломавшийся «брежневский зонтик» раскрыл перед Западом новые возможности в реализации идеи общеевропейского дома и европейского единства. Естественно, что стремление государств Прибалтики к независимости было поддержано безоговорочно. И это понятно, ибо три балтийские сестры укладывались в представление о цивилизационной идентичности Большой Европы. В перспективе просматривается вхождение в Европу Украины, Молдавии, Беларуси.

С пятью республиками азиатской части СССР было сложнее. Казахстан попал в поле зрения западных политиков в основном из-за гигантских ядерных арсеналов. На его территории размещались 104 межконтинентальные баллистические ракеты с 1040 боезапасами. Дислоцировались 40 тяжелых бомбардировщиков с 320 боезапасами.¹

В условиях нарастания исламского фундаментализма появление в ядерном клубе неустойчивого Казахстана с огромным запасом смертоносных боеприпасов совсем не приветствовалось

---

¹ Пикаев А., Савельев А. Ядерная мощь СССР: на земле, на море и в воздухе // Независимая газета. 1991. 2 ноября. № 137.

Западом. Исламская атомная бомба стала кошмаром для мира. Высказывались опасения о возможности похищения террористами ядерного оружия с помощью коррумпированных чиновников. Это было достаточно близко к истине, если вспомнить все скандалы, связанные с торговлей остатками советского оружия и боевой техники государствами постсоветского пространства, в том числе и странами Центральной Азии.

Казахстан использовал наличие ядерного оружия на своей территории для получения гарантий собственного существования как независимого государства и экономической помощи. Естественно, что оба требования в то время были обращены к США. В октябре 1993 года конгресс США принял «Закон о сотрудничестве в целях уменьшения угрозы» (закон Нанна — Лугара). Закон явился развитием ранее действовавшей программы «Сокращения советской ядерной угрозы». Он предусматривал оказание помощи новым независимым государствам в «уничтожении и надежной и безопасной транспортировке и хранении ядерного, химического и другого оружия и их средств доставки», «надежном и безопасном хранении расщепляющихся материалов, извлеченных при уничтожении ядерного оружия», предотвращении распространения оружия массового поражения, его компонентов и технологий производства, демилитаризации и конверсии оборонных отраслей промышленности. Под определенным давлением, а также экономическим стимулированием со стороны США Казахстан стал неядерным государством. 13 декабря 1993 года парламент республики ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия.

Казахстан, так же как Украина и Белоруссия, подписал Лиссабонский протокол к Договору о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-1), взяв на себя обязательства стать неядерным государством. Демонтаж ядерной инфраструктуры Казахстана продолжался до середины 1990-х годов. В феврале 1994 года в Россию были перемещены стратегические бомбардировщики, а к концу мая 1995 года — все оставшееся ядерное оружие.

Важным достижением для Казахстана стало подписание во время Будапештского саммита ОБСЕ в декабре 1994 года Меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением к Договору

о нераспространении ядерного оружия. Великобритания, Россия и США подтвердили «свое обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Республики Казахстан, и что никакие их вооружения никогда не будут применены против Республики Казахстан, кроме как в целях самообороны».¹

Позднее, 8 февраля 1995 года, Китай также предоставил ядерные гарантии Казахстану. Позиция Казахстана получила высокую оценку со стороны США, президент Б. Клинтон назвал ее «примером для подражания» для других стран. Казахстан объявлялся «единственной страной в Центральной Азии, получившей статус партнера Соединенных Штатов».

Таким образом, уже в начале 90-х годов XX века политика США в регионе была сформулирована достаточно ясно и конкретно: «ведение наступательной войны против терроризма и создание замкнутых на США инфраструктур безопасности»; «стимулирование демократических политических систем, способных служить образцом для других стран с многочисленным мусульманским населением».

В своем выступлении 12 апреля 1995 года посол США в Казахстане Уильям Кортни сказал: «Поскольку Казахстан прокладывает свой экономический курс в будущее, будет прекрасно, если он будет проводить демократические и экономические реформы вместе. Это был тот урок, который Горбачев усвоил слишком поздно. Если этот урок не будет усвоен сегодня, страны, находящиеся в переходном этапе, могут попасть в ловушку между небольшим шоком и небольшой терапией. Когда это случается, поддержка людей реформам может быть поколеблена, и коррупция временно заполняет пустоту и затем омрачает восприятие реформ людьми».²

Польза для Америки заключается, по мнению посла, в том, что американские «инвесторы получают большую возможность

---

¹ Дипломатическая служба Республики Казахстан. — Алматы: Эдельвейс, 2004. С. 59–60.

² Информационное агентство США. Выступление Посла США Уильяма Х. Кортни в международном бизнес-клубе 12 апреля 1995 года.